

ЕВРИПИД

ГЕКУБА

Перевёл с древнегреческого Вланес

ПРИЗРАК ПОЛИДОРА

Обитель мертвецов и мрачные врата
покинув, где Аид не видится с богами,
пришёл я, Полидор, сын дочери Киссёя,
Гекубы. Мой отец, Приам, когда грозило
копьё элладское разбить фригийский град,
напуганный, меня из Трои выслал тайно
в дом Полиместора, союзника-фракийца,
который тучный дол херсонский засекает,
над конелюбцами господствуя копьём.
И много золота отец послал со мною,
чтоб, если свергнутся твердыни Илиона,
на жизнь хватило бы всем детям уцелевшим.
Из Приамидов я юнейший, потому
и выслан был отцом. Доспехов не носил я
и детскою рукой не мог копьём сражаться.
Пока держался ряд каменье пограничных,
пока уцелевал троянских башен круг
и Гектор, брат родной, копьём успешно бился,
рос у фракийца я, приятеля отцова,
беспечно, как побег, себе же на несчастье.
Но только Гектор пал, и Троя в прах легла,
и уничтожен был очаг отца, его же
пред главным алтарём, творением бессмертных,
зарезал Ахиллид рукою кровожадной,
я из-за золота, несчастный, был убит
союзником отца и в хлябь морскую брошен,
чтоб наше золото в его осталось доме.
То на песке лежу, то на волнах качаюсь,
с отливом убегу, с приливом возвращусь,
без слёз, без похорон. Я к матери любимой,
Гекубе, прилетел, своё покинув тело,
и третий день уже над ней парю всечасно,
с тех пор как в Херсонес явилась мать моя,
многострадальная, из разорённой Трои.
Здесь и ахейцы все. Они, суда имея,
сидят в безмолвии на берегу фракийском,
ведь Пелеид Ахилл, над насыпью своей
явившись, удержал всех воинов Эллады,

уже направивших домой весло морское.
Он требует мою сестрицу, Поликсену,
как дань отрадную, как погребальный дар.
И он возьмёт её. Не будет он друзьями
без жертвы брошен здесь. Веленье роковое
ведёт сестру на смерть. Она умрёт сегодня.
Двоих детей своих два трупа в этот день
увидит мать: и мой, и дочери злосчастной.
Я, бедный, появлюсь, чтоб ныне в землю лечь,
у ног рабы одной, колеблемый волною.
Богов я умолил, царящих под землёй,
могилу обрести, рук матери коснуться.
Итак, мои мечты исполнятся, конечно!
Но я уйду с пути Гекубы престарелой,
уж Агамемнона покинувшей шатёр,
где напугал её мой призрак этой ночью.
Что за беда!
Ах, матушка моя! Ты после кровель царских
на рабский смотришь день! Как страшно ты упала
с прекрасной высоты! Желает некий бог
страданьем уравнивать исчезнувшее счастье.

ГЕКУБА

Дети, к двэри направьте старуху,
помогите подруге-рабыне,
вашей прежней царице, троянки!
Встаньте, сблизьтесь, ведите, держите,
поднимите за дряхлую руку.
Опершись на изогнутый посох
ваших рук, я ускорю движенье
слабых ног, отягчённых годами.

Зевса сиянье! Глубокая темень!
Что ж меня так пугают во мраке
призраки эти? Земля-госпожа,
матерь снов чернокрылых, гоню я
прочь твоё наважденье ночное!
Сын мой пригрезился мне, в дальней Фракии убережённый,
и Поликсену мою, дочь любимую, я повстречала
в страшном виденьи своём, увидала, узнала!

Сына, боги земли, вы спасите!
Он единственным якорем рода
в снежной Фракии держится прочно
под охраной отцовского друга.
Будет новое что-то.

Будет скорбная песня скорбящим.
Никогда ещё сердце так страшно,
так настырно не билось.
Где Гелена божественный облик,
где Кассандру найти мне, троянки,
чтобы сны разъяснились?

Снилась мне пегая лань, лапой волка кровавой убита,
он её всю разорвал и с колен моих сбросил жестоко.
И такого боюсь:
на могилу взойдя, дух Ахилла
в жертву просит одну из троянок,
совершенно замученных горем.
Отвратите от дочери бедной
это зло! Умоляю вас, боги!

ХОР

Я, Гекуба, к тебе поспешила,
убежав из шатра господина,
где по жребию стала рабою,
уведённая из Илиона,
став добычей ахейского войска
и копья с наконечником острым.
Я страданья твои не уменьшу
тяжким бременем новых известий.
Я тут, женщина, вестница горя!
На всеобщем собраньи ахейцев,
слышно, дочь твоя жертвой Ахилла
названа. В золотых он доспехах
на курган свой, как знаешь, поднялся
и судам, уходящим по морю
под прилаженными парусами,
закричал: «Вы куда же, данайцы?
Что ж моё погребенье
вы решили без дара оставить?»
Сшиблись тут несогласные волны,
голоса копьеносцев Эллады
разделились: кто за, чтобы жертву
принести на могиле, кто против.
Агамемнон твои интересы
защищал, ведь он с вещей вакханкой
делит ложе. Сыны же Тесея,
два побега Афин, хоть две речи
говорили, но были едины
в том, что нужно могилу Ахилла
увенчать свежепущенной кровью
и что ложу Кассандры негоже

даровать предпочтенье
над копьем дерзновенным Ахилла.
Силы спорщиков равными были,
но угодник толпы хитроумный,
пустозвон этот сладкоречивый,
Лаэртид, убедил ратоборцев,
что нельзя цвет данайцев обидеть
ради жизни какой-то рабыни.
Мол, никто из погибших не скажет,
пред божественной встав Персефоной,
что данайцы бросают данайцев,
за Элладу погибших,
без даров на равнине троянской.
Вот придёт Одиссей, и кобылку
от сосцов твоих грубо оттащит,
силой вырвет из рук твоих старых.
Но ступай к алтарям ты и храмам,
Агамемнона стисни колени,
кличь небесных богов и подземных!
Либо дочь сохранишь ты мольбами,
либо девушке бедной придётся
на глазах твоих пасть пред могилой,
и польются проворные струи
из украшенной золотом шеи,
ярко-красные, с чёрным отливом.

Гек. Ах, я бедная! Что прокричать мне?
Застонать ли? Посетовать горько?
Я скорблю и от старости скорбной,
и от рабства, противного сердцу,
нестерпимого. Плохо мне, плохо!
Кто защитник мой? Что за семейство,
что за город? Скончался старик мой,
пали дети.
На дорогу мне ту или эту
встать стопой? Где спасусь я? Какое
божество или демон поможет?
Скорбь принесли вы мне,
скорбь принесли вы, троянки, мне,
горем убили, сгубили! В сиянии дня
жизнь мне больше не мила!

Ноги бедные, вы проведите,
проведите старуху
в этот двор! Ах, ребёнок мой милый!
Дочь несчастнейшей матери, выйди,

выйди из дому,
голос мамы ты послушай!
Знай же, доченька, что за молву я
о душе твоей нынче слыхала!

ПОЛИКСЕНА

Мама, мама! Что плачешь? О чём ты
возвещаешь и дочь, словно птицу,
гонишь в страхе из дома?

Гек. Ах ты, доченька!

Пол. Что ты сетуешь? Горе мне кличешь!

Гек. Ах, кровиночка!

Пол. Говори! Не скрывай же так долго!
Я дрожу, я напугана, мама!
Что же ты стонешь так?

Гек. Дочка, дочка ты матери бедной...

Пол. Что ты скажешь мне?

Гек. Всё аргивское войско решило
на могиле Пелеева сына
заколоть тебя!

Пол. Мама, что ты такое сказала?

Ты беду незавидную, мама,
мне раскрой, раскрой!

Гек. Дочь, узнай о неслыханном слухе:
говорю я тебе, что ахейцы
на судьбу твою бросили жребий.

Пол. Ах, страдальца! Бедная мама,
натерпелась несчастий ты в жизни!
Что за новым, всё новым позором,
ненавистнейшим и несказанным,
некий бог по тебе ударяет!
Больше дочка не будет с тобою
бедной старости бедной опорой
в этом рабстве!
Ты детёнышем горного зверя,
мама жалкая, жалкой телицей
<дочь родимую скоро> увидишь.
Вырвут из рук твоих,
ввергнут её с перерезанным
горлом в Аид, в темь земли, где я буду лежать
в груди бездыханных тел!

О тебе я, злосчастная мама,
непрестанно рыдаю.
Обесчещенной, сгубленной жизни
мне не жаль, и по ней я не плачу.

Если я умру,
мой удел счастливей будет.

Хор Гекуба, Одиссей сюда стопою спешной
идёт, чтоб новостью с тобою поделиться!

ОДИССЕЙ

Ты, верно, женщина, о мненьи войска знаешь
проголосованном, но я скажу всё снова.

Ахейцы дочь твою решили, Поликсену,
заклать пред насыпью Ахилловой могилы,
меня и вестником избрав, и провожатым
для этой девушки. Жрецом же при обряде
и закалателем назначен сын Ахилла.

Ты вот как поступи: от схватки рукопашной,
от волоченья прочь прошу меня уволить.

Знай меру сил своих, прими беду смиренно.

Мудрец и в горести свой разум сохраняет.

Гек. Ай-ай! Мне предстоит большая схватка, видно,
стенаний полная, не без рыданий горьких!

Не встретила я смерть, когда она являлась.

Меня не тронул Зевс, но сил даёт мне, бедной,
чтоб насмотрелась я на горшие несчастья.

И если мы, рабы, вольны свободным людям
не тягостные им, не гложущие сердце
вопросы задавать, то должен ты ответить,
тебя же вправе я внимательно послушать.

Од. Вольна ты. Спрашивай. Мне времени не жалко.

Гек. Ты помнишь, в Илион лазутчиком пришёл ты,
в лохмотьях, грязный весь и видом безобразный,
лицо багровое, закапанное кровью?

Од. Да, это тронуло не только кромку сердца.

Гек. Узнав тебя, лишь мне призналась в том Елена.

Од. Я помню, что попал в ужасную опасность.

Гек. И мне ты обхватил колени раболепно?

Од. На пеплосе твоём немели, сжавшись, руки.

Гек. А что ты мне сказал, моим рабом являясь?

Од. Всего наговорил, чтоб гибели избегнуть.

Гек. И я тебя спасла, и вывела за стены?

Од. Благодаря тебе я вижу это солнце.

Гек. Тогда не подлость ли подобные решенья?

Поведав сам, как я с тобою поступила,
ты платишь не добром, а злом как можно бóльшим!

Неблагодарный род, ораторскую славу
снискать желающий! Я знать вас не желаю!

Вас не заботит то, что вы друзьям вредите,

вам лишь бы всякий сброд умастить словами.
Какую ж это вы изобрели уловку,
смерть этой девушки скрепив голосованьем?
Судьба ли некая от вас не бычьей жертвы,
но человеческой у гроба ожидает?
Желает ли Ахилл отмстить своим убийцам
и гибель девушки считает справедливой?
Она ни капли зла ему не причинила!
Ему бы требовать заклятия Елены,
из-за неё ведь он пришёл и пал под Троей!
Но если прочить смерть достойнейшей из пленниц
и распрекраснейшей, на нас глядеть не нужно,
поскольку всех затмит наружность Тиндариды,
которая ему не меньше нас вредила.
Я к справедливости поэтому взываю
и у тебя прошу такого возмещенья.
Признался ты, что сам руки моей коснулся,
к щеке моей припал, морщинами покрытой,
а ныне я к тебе с мольбою припадаю,
чтоб милосердию воздал ты милосердьем.
Не вырывай, прошу, из рук моих ребёнка,
не убивай его! Уже нам хватит мёртвых!
Она ведь радость мне, забвение страданий
и утешение в несчастьях бесконечных,
мой град, кормилица, и поводырь, и посох!
Кто властью наделён, не должен править скверно
и благоденствие считать непреходящим.
Царила ведь и я, а что теперь я значу?
Всё процветание в единый день увяло!
Я бороды твоей, любезный друг, касаюсь,
спаси нас, пожалей! Пойди к рядам ахейцев
и растолкуй им всем, что, право же, постыдно
смерть женщинам судить, которых вы же сами
отняв от алтарей, сначала пощадили!
У вас есть и закон, который защищает
и вольных, и рабов от проливанья крови.
Ты славен среди них, и даже слабой речью
добьёшься своего. Звучат слова героя
поубедительней, чем умствование смерда.

Хор Нет столь суровой человеческой природы,
что, слыша этот плач, исполненный стонаний
и жалоб горестных, не пролила бы слёзы!

Од. Гекуба, выслушай, не возбуждая сердце
негодованием на дельные слова.
Спаси саму тебя, мне давшую свободу,
конечно, я готов, чего тут говорить.

Но речи к воинам я брать назад не буду.
Раз Троию взяли мы, то лучший среди нас,
просящий дочь твою, её получит в жертву.
У многих городов такая слабость есть,
героя храброго, из доблестного рода,
над второсортными ничуть не возвышать.
Достоин, женщина, Ахилл высокой чести,
он за Элладу пал, прекрасный человек.
Ведь это стыд и срам – считать живого другом,
а от погибшего отворотиться прочь!
Что скажет и народ, когда придётся снова
нам войско набирать, чтоб встретиться с врагом?
«Чем нам на бой идти, не лучше ль побережся?
Нет чести никакой погибшим храбрецам!»
Да я и сам таков. Мне в жизни каждодневной
хватает малого, и я доволен всем,
могилу же свою хотелось бы мне видеть
достойной почестей, ведь славе жить века!
Ты страждешь, говоришь. Так вот, меня послушай.
Старух и стариков у нас довольно есть,
не менее, чем ты, испробовавших лиха,
невест, лишившихся отличных женихов,
которые лежат в идейском прахе этом.
Будь стойкой. Если мы, как должно, не почтим
героя мёртвого, нас примут за мужланов.
Эх, племя варваров, друзьям вы не друзья,
и неспособны вы героев падших помнить
с благоговением! Эллада будет цвести,
а вы влачите жизнь согласно взглядам вашим!

Хор Ай-ай! Каким же злом всегда являлось рабство!
Все терпят произвол, подавленные силой!

Гек. Ах, доченька моя! Я о твоём убийстве
напрасно речь вела! Всё сказано на ветер!
Но если мать свою ты превосходишь силой,
то звуки все излей, что в горле соловьином
бесшумно копятся, чтоб не расстаться с жизнью!
Ты с плачем обхвати колено Одиссея
и убеди его (ведь ты имеешь повод –
он сам отец детей), смягчить твой тяжкий жребий!

Пол. Я вижу, Одиссей, что прячешь под плащом
ты руку правую и прочь отворотился,
чтоб к бороде твоей не прикоснулась я.
Мужайся. Ты спасён. Далёк мой Зевс Молельный.
Пойду я за тобой. Мне нужно умереть,
и смерти я хочу. Погибнуть не желая,
я робкой покажусь, трепещущей за жизнь.

А для чего мне жить? Отец мой был, ты знаешь,
царём всей Фригии. Так жизнь я начала.
Я вскормлена была в значительных надеждах
невестой стать царям, соперникам в борьбе
за право свой очаг и дом украсить мною.
Идейским женщинам была я госпожой
и в свите девушек, несчастная, казалась
вполне божественной, хоть смерти не сильней.
Теперь же я раба. При этом слове чуждом
во мне рождается желанье умереть.
Вдобавок, может быть, хозяин бессердечный
за груды серебра меня приобретёт,
сестру и Гектора, и многих братьев славных.
Он хлеб в дому своём меня принудит печь,
и пол ему мести, и с челноком трудиться,
навязывая мне мучительную жизнь.
И станет грязный раб, приобретённый где-то,
в моей постели спать, былой мечте царей.
Нет, не бывать тому! Из глаз, ещё свободных,
я отпускаю свет! С Аидом обручусь!
Давай же, Одиссей! Веди меня на гибель!
Мне ни надежда здесь не укрепляет дух,
ни ожидание счастливого удела.
Ты, мама, не мешай, не преграждай мне путь,
не умоляй меня, но согласись со мною,
что лучше смерть, чем незаслуженный позор.
Кто бед не пробовал, тому, вставляя шею
в ярмо тяжёлое, приходится страдать,
но в смерти будет он счастливее, чем в жизни,
ведь жизнь без радости – невероятный труд.

- Хор Какой отчётливой чеканка благородства
бывает на душе! Но больше потрясает,
что имя знатное растит людей достойных!
- Гек. Красивые слова. Но в красоте их, дочка,
есть примесь горечи. Раз нужно Пелеиду
почтенье оказать и чтобы вам укора
избегнуть, Одиссей, её не убивайте!
Где вы Ахилла жгли, меня туда ведите
и режьте не щадя! Ведь я же мать Париса,
который стрелами лишил Фетиду сына!
- Од. Старуха, не тебя у воинов ахейских
Ахиллов дух просил, а женщину вот эту.
- Гек. Хотя бы с дочерью меня убейте тоже,
тогда получится в два раза больше крови
земле и мертвецу, просившему напиток!
- Од. Нам хватит девушки. Покойников не нужно

горою громоздить. Не резать никого бы...

Гек. Но с дочерью моей меня убить ты должен!

Од. Как? Должен? Я не знал, что госпожу имею.

Гек. Прижмусь я к ней, как плющ, обвивший ветви дуба!

Од. Не надо. Слушай тех, кто более разумен.

Гек. Но добровольно я не отпущу ребёнка!

Од. И я не отойду, и не оставлю жертву!

Пол. Ты, мама, слушай дочь! А ты, Лаэртгов отпрыск,
не злись на мать мою, ведь гнев её понятен!
Ты, горемычная, с властями не тягайся.
Охота ли тебе на землю пасть, и тело
изранить старое, и чтоб тащил с позором
тебя одной рукой какой-нибудь молодчик?
Вот именно! Оставь. Оно того не стоит.
Но, мама милая, любимейшую руку
подай, позволь щекой к щеке твоей прижаться!
Мне больше никогда увидеть не придётся
светило круглое с блестящими лучами.
Последние слова к тебе я обращаю.
Родная мать моя, спускаюсь я под землю!

Гек. Рабыней, доченька, на свете я останусь!

Пол. Ни песен свадебных, ни брака мне не будет!

Гек. Ты бедное дитя, а я ещё несчастней!

Пол. Придётся без тебя покоиться в Аиде!

Гек. Ах, что же делать мне? Где жизнь мою закончить?

Пол. Рабыней я умру, а был отец свободным...

Гек. Я пятьдесят детей навеки потеряла!

Пол. Что Гектору сказать и старому супругу?

Гек. Им просто передай, что я всех женщин жальче!

Пол. О груди, о сосцы, источник пищи сладкой!

Гек. О дочь, несчастная безвременной кончиной!

Пол. Всех благ, родимая! Пусть здравствует Кассандра...

Гек. Все блага у других, не у тебя родившей.

Пол. ...и брат мой Полидор, гость конников фракийских!

Гек. А жив ли он? Едва ль. Теперь повсюду горе!

Пол. Он жив, и он глаза тебе закроет мёртвой!

Гек. От горестей моих мертва я прежде смерти.

Пол. Пойдём же, Одиссей. На голову мне пеплос
накинь, ведя на смерть, а то растает сердце
от стонов матери и сердце ей растопит.
О, свет! По имени тебя назвать могу я,
но буду я с тобой лишь на дороге краткой
к мечу и скорбному кургану Ахиллеса.

Гек. Ох, как же плохо мне! Какая слабость в теле!
Кровинушка моя! Дай руку! Что ж ты маму
так сиротишь! Вернись! Погибла я, подруги!

Так бы лакóнянку, сестрицу Диоскуров,
Елену, повели! Прекрасными глазами
она постыднейше лишила Трои счастья!

Хор Ветер, ветер над морем,
ты стремишь мореходные
чёлны быстрые по пучине грозной,
ты куда унесёшь меня,
бедную? В чей же дом приду
я рабыней купленную?
Пристань в земле дорийской
или же во Фтии мне,
где отец превосходных вод
Апидан, говорят, поля питает?

Или на острова ты
бедную понесёшь меня,
синь дробя веслом, к жалкой жизни в доме,
где ростками священными
финик с лавром возносятся,
вместе радость Лёто даря,
Зевсу детей родившей?
Или буду славить лук
Артемиды и золотой
ампикс, стоя среди юниц делосских?

В городе Паллады ли
на шафранном пеплосе
для Афины умело я
пёстрыми нитями
запрягу кобылиц её
в колесницу прекрасную
или вышью, как в смертный сон
род Титанов поверг
Зевс Кронид пыланьем двойным?

Дети наши бедные!
И отцы, и родина,
горьким дымом охвачена,
съедена пламенем,
копьями аргивян взята!
На чужбине рабынею
буду, от Азии вдали,
променяю Аид
на европейский сирий кров!

ТАЛФИБИЙ

- Где тут мне бывшую царицу Илиона,
Гекубу, отыскать? Вы знаете, троянки?
- Хор Она перед тобой, у ног твоих лежит,
Талфибий, на спине, завёрнутая в пеплос.
- Тал. О, Зевс! Что тут сказать? Ты род людской хранишь ли?
Ты по заслугам ли своей добился славы
фальшивой, если есть и вправду род богов?
А, может, за людьми лишь случай надзирает?
Не это ль госпожа фригийцев многозлатных,
не это ли жена великого Приама?
Весь город у неё копьём опустошён,
и, дряхлая раба, детей своих лишившись,
несчастной головой лежит она во прахе!
Кошмар! Хоть я и стар, но предпочту скончаться,
чем в этакий позор быть ввергнутым судьбой!
Вставай, несчастная! Из праха поднимайся!
Вскинь голову свою, до белизны седую!
- Гек. Эх! Кто тут не даёт измученному телу
спокойно полежать? Кто б ни был ты, уйди!
- Тал. Талфибий пред тобой, слуга мужей данайских.
Пойдём, любезная. Так хочет Агамемнон.
- Гек. Ах, драгоценнейший! Ахейцы на могиле
зарезут и меня? Вот радостная весть!
Скорей же! Поспешим! Иди, старик! Я следом!
- Тал. Убита дочь твоя. Ты, женщина, могла бы
её похоронить. Меня к тебе прислали
сыны Атридовы и всех ахейцев рать.
- Гек. Что хочешь ты сказать? Что ты сюда приносишь
не смертный приговор, но горестную весть?
Мертва ты, доченька! Оторвана от мамы!
И я, несчастная, бездетна без тебя!
Как с ней расправились? Хотя бы с уваженьем?
Иль дело страшное, старик, вы совершили,
как над врагом? Скажи, пусть доброго не скажешь!
- Тал. Так, женщина, ты мне удвоишь прибыль слёз
по дочери твоей. О горе повествуя,
заплачу, как тогда, у гибельной гробницы.
Присутствовала вся ахейская дружина,
когда мы дочь твою к могиле привели.
Сын Ахиллеса, сжав запястье Поликсены,
взошёл с ней на курган, и я был с ними рядом.
Бойцы отборные из юношей ахейских,
готовые сдержать любой прыжок твоей
телицы, подошли. Тут чашу золотую,
до кромки полную, Ахиллов отпрыск поднял

для возлияния отцу, сигнал давая,
чтоб всем ахейцам я молчанье возвестил.
Я плечи выпрямил и крикнул в гушу войска:
«Ахейцы, тишина! Пусть армия умолкнет!
Молчанье полное!» И море сразу стихло.
Неоптолем сказал: «Отец мой Пелеид,
ты ныне будь моим утешен возлияньем,
отрадой мертвецов! Приди к девичьей крови,
напейся чёрного, беспримесного дара
от войска и меня! Будь благосклонен к нам,
кормила отпусти, отдай судам канаты,
благополучно нам позволь от Илиона
отплыть на родину и всем свой дом увидеть!
Вот так молился он, и войско вместе с ним.
Потом из ножен меч, весь золотом покрытый,
он вынул и бойцам, из юношей аргивских
отобранных, дал знак, чтоб девушку держали.
Она заметила и так сказала нам:
«Аргивские мужи, сгубившие мой город,
хочу я умереть! Меня вы не касайтесь!
Сама я шею вам подставлю и не дрогну!
Пускай свободная, по милости богов,
свободно и умрёт. Ведь я, мужи, царевна!
Средь мёртвых стыдно мне рабыней называться!»
Гул одобрительный раздался. Агамемнон
не трогать девушку юнцам тогда велел.
Они же, услышав начальственное слово,
оставили её, покорны высшей власти.
Она расслышала веленье господина
и кромку пеплоса рванула от плеча
к середине живота, и обнажила груди
великолепные, как у скульптуры некой,
и, прямо на земле колени преклоняя,
нахрабрейшие произнесла слова:
«Вот, юноша, смотри! Вся грудь моя открыта.
Её пронзишь? Пронзай! А если шею нужно,
то вот и горло здесь, совсем уже готово!»
Тот, полон жалости, хотя и не хотя,
дыхательный канал мечом своим разрезал,
и струи хлынули. Она же, умирая,
старалась всё-таки упасть благопристойно
и сокровенное от глаз мужских сокрыть.
Когда унёсся дух сквозь гибельную рану,
не сходно начали трудиться аргивяне,
но те из рук своих на тело стали сыпать
листву, а те тащить сосновые стволы

для статного костра. Кто не желал трудиться,
от подвизавшихся выслушивал упрёки:
«Стоишь всё, негодяй? Для девушки не удержишь
ни украшения, ни пеплоса в руках?
Что дар не принесёшь для безгранично храброй,
прекраснейшей души?» Сказав слова такие
о мёртвой, я тебя счастливейшей считаю
и злополучнейшей из матерей земных.

Хор Вскипело бедствие над родом Приамидов,
над родиной моей по принуждению неба!

Гек. Из бед не знаю, дочь, смотреть мне на какую,
так много их вокруг. Притронуться к одной
другая не даёт, а третья чуть поодаль
зовёт меня к себе и глушит скорбью скорбь.
Как можно не стонать от этого несчастья,
и выбросить его нельзя из головы,
но всё же ты сняла излишек боли вестью
о мужестве своём. Не странно ль, что хлебá,
когда радушен бог, растут и на суглинках,
а почва добрая, не получив дождей,
приносит скудный плод, но человек прескверный
останется плохим, и больше никаким,
а благородному дано быть благородным,
и духу славному несчастья не вредят?
Здесь кровь играет роль? А, может, воспитанье?
Кровь, без сомнения. Но учит нас добру
и воспитание. Когда ты образован,
то зло распознаёшь в сравнении с добром.
Вот стрелы разума, свистевшие напрасно.
К аргивским воинам ступай же и скажи,
чтоб дочь не трогали, толпу не подпускали
к ребёнку моему. Скопление солдатни
неуправляемо, а произвол моряцкий
безудержней огня. Там только трус не зверь.
Служанка старая, сходи с кувшином к морю,
воды там зачерпни, потом неси сюда.
Хочу я дочь почтить последним омовеньем,
без девства девушку, невесту без венца,
и обрядить её. Но как ей честь окажешь?
Смогу ль? Попробую. (Иначе как же быть?)
Я украшения возьму у этих пленниц,
которые живут в одном шатре со мной.
Наверное, тайком от их владельцев новых
им что-то удалось из дома унести.
О, родина моя! О, дом когда-то славный!
О, богатейший царь, счастливейший детьми,

Приам! И я, их мать, теперь уже старуха!
Как стали мы ничем! Как гордости своей
лишились начисто! Не мало ль мы кичились,
одна – роскошеством семейного дворца,
другой – признанием среди своих сограждан?
Какая суетность! Метания ума,
изгибы языка! Лишь тот и вправду счастлив,
кто никогда, совсем, не знал ни дня беды!

Хор Беда была со мной,
мне было суждено несчастье,
как только Александр впервые
идейскую ель повалил,
чтобы отправиться про вздувшейся пучине
и Елену в супруги взять,
женщину красивейшую
в солнечном золоте.

Круговращеньем бед
усиливаются страданья.
От глупца одного досталось
несчастье симунтской земле,
погибель общая и нам, и чужестранцам.
Так идейский пастух судил
трёх богинь, рождённых на свет
от небожителей.

Было и копьё, и бойня, очаг мой разрушили,
но стонет множество у Эвроты широкого
лаконских девушек, и слёзы льёт в домах,
и кладёт мать бездетная руку на седую
голову, начиная щёки <дряблые> царапать
и кожу раздирать кровавым нóгтем.

СЛУЖАНКА

Подруги, где найти страдалицу Гекубу,
всех победившую, и женщин, и мужчин,
в соревнованиях зла? Никто так не увенчан!

Хор Ты что? Тебе самой не вреден твой язык?
Не знают отдыха твои дурные вести!

Сл. Гекубе я несю ещё одну беду.
Легко ли смертному благоголотить в горе?

Хор Да вот она идёт, покинув свой шатёр,
как раз ко времени, чтоб твой рассказ послушать.

Сл. Наинесчастливая превыше всяких слов!
Мертва ты, госпожа, хотя и видишь солнце!

- Погибла без детей, без мужа, без страны!
- Гек. Нашла мне новости! Твоя хула известна.
Но Поликсену ты зачем сюда несёшь,
ведь сообщили нам, что все ахейцы рьяно
захоронение готовят для неё?
- Сл. В неведеньи своём она о Поликсене
тоскует, не узнав про новую беду.
- Гек. Ах я несчастная! Не вёщей ли Кассандры,
пророчицы моей, ты тело принесла?
- Сл. Кричишь ты по живой, о мёртвом же не стонешь.
На непокрытое ты тело посмотри!
Надеялась ли ты увидеть это чудо?
- Гек. Ах, что же вижу я! Мой мёртвый Полидор,
мой сын, спасавшийся под кровлею фракийца!
Совсем пропала я! Всё, больше нет меня!
Сыночка, сынок!
Ай-ай! Я песню завожу
дикую, лишь теперь познав
мщение духа зла!
- Хор Ты видишь, бедная, уничтоженье сына?
- Гек. Невероятные, невиданные вещи!
Новые, новые бедствия идут ко мне!
Мне не узнать ни дня без неутешных слёз,
без причитаний!
- Хор Ужасны, сирая, ужасны наши беды!
- Гек. Сын, сыночек мамы злополучной,
как ты погиб, какой повергнут ты судьбой,
кто же убил тебя?
- Сл. Того не ведаю. На берегу лежал он.
- Гек. Пучиной выброшен? Пронзён лихим копьём,
гладкий песок он мял?
- Сл. Был морем вынесен, бушующим прибоем.
- Гек. Горе! Ай-ай!
Вот и понятно видение
моих спящих глаз (нет, чернокрылый сон
не позабылся мной).
Мне привиделось, что ты,
сыночка, мёртв, что Зевсов ты не видишь свет!
- Хор Но кто его убил? Ты сон-то растолкуешь?
- Гек. То был мой друг, мой друг, всадник из Фракии,
сына в том доме прятал пожилой отец!
- Хор Ты что же говоришь? За золото убил он?
- Гек. Нет слов, нет имени для этих дел несносных,
грешных, непостижимых! Где права гостей?
Ах ты, проклятый! Как ты искромсал его,
как порубил своим железным мечом

тело ребёнка! Ах, безжалостный зверь!

АГАМЕМНОН

Гекуба, что стоишь и не хоронишь дочь?
Талфибий мне сказал, что ты сама просила
аргивских воинов дитя твоё не трогать.
Так мы оставили, не тронули её.
А ты всё мешкаешь. Мне это непонятно.
Пришёл я за тобой. Там всё уже пристойно,
коль о пристойности уместно говорить.
А! Что за мертвеца вблизи шатра я вижу?
Никак, троянец он? Мне пеплос неаргивский,
его закутавший, об этом говорит.

Гек. Несчастливая! К себе я ныне обращаюсь,
Гекубе. Как же быть? Обнять ли мне колени
у Агамемнона, терпеть ли зло безмолвно?

Аг. Ты почему ко мне спиною повернулась,
ревёшь, не говоря, в чём дело? Это кто?

Гек. А если он меня, невольницу, врагиню,
коленом оттолкнёт, то боли мне прибавит!

Аг. Не прорицатель я и не могу, не слыша,
понять, каким путём направился твой ум!

Гек. А вдруг я не права, врагом его считая?
Вдруг он относится ко мне без неприязни?

Аг. Раз не желаешь ты, чтоб я узнал об этом,
то мы в согласии. Я слушать не хочу.

Гек. Мне за детей моих не отомстить, конечно,
без помощи его. Зачем я рассуждаю?
Давай попробуем, успешно или тщетно!
Я бороды твоей касаюсь, Агамемнон,
колен касаюсь я, удачливой десницы!

Аг. О чём хлопочешь ты? Неужто чтоб свободной
окончить жизнь свою? Устроить это просто.

Гек. Не надо этого. Воздать бы мне злодеям,
а я готова век рабыней оставаться.

Аг. Какой же помощи тогда от нас ты просишь?

Гек. Нет, вождь, я не о том, о чём ты мог подумать.
Ты видишь мёртвого, по ком я плачу слёзно?

Аг. Да, разумеется. И что всё это значит?

Гек. Я родила его, под поясом носила.

Аг. Кто это, бедная? Который твой ребёнок?

Гек. Нет, он не Приамид, под Илионом павший.

Аг. Ты разве, женщина, другим дала рождение?

Гек. Напрасно, кажется. Его теперь ты видишь.

Аг. А где он прятался, когда горел твой город?

Гек. Он выслан был отцом, за жизнь его дрожавшим.

Аг. Куда уехал он, один из всех потомков?
Гек. Вот в этот самый край, где найден бездыханным.
Аг. Здесь государствует какой-то Полиместор?
Гек. Сын стражем золота горчайшего поехал.
Аг. А кто убил его? Какой судьбой он встречен?
Гек. Кто ж, как не друг семьи? Сгубил его фракиец.
Аг. Злодей! Он к золоту желаньем распалился!
Гек. Как только разузнал о бедствии фригийцев.
Аг. Ты где нашла его? Принёс вам кто-то тело?
Гек. Она подобрала у берега морского.
Аг. Пойдя искать его? Другое что-то делать?
Гек. Воды мне принести для мёртвой Поликсены.
Аг. Ваш друг убил его и в море, видно, бросил.
Гек. Блуждать по воле волн, и как его изрезал!
Аг. Мучения твои, страдальца, безмерны!
Гек. Злу места больше нет. Я стёрта, Агамемнон.
Аг. Кошмар! Знал ли мир несчастную такую!
Гек. Нет, если не считать Несчастье человеком.
Но для чего к твоим припала я коленам,
послушай. Если ты сочтёшь мои мученья
заслуженными мной, то я терпеть их буду,
а нет, так накажи того, кто предал дружбу,
кто, не страшась богов подземных и небесных,
поступок совершил до крайности бесчестный.
Он за одним столом сидел со мною часто,
как самый первый друг, радушно принят в доме.
Всё взял, что только мог, и, выгодою движим,
убил. И пусть бы так, но даже и могилой
ребёнка не почтил, а просто бросил в море!
Рабыня нынче я и, может быть, бессильна,
но боги ведь сильны, как и закон над ними,
а именно закон даёт нам веру в небо,
способность отличать неправедность от правды.
И если ты закон, к тебе сейчас пришедший,
презришь и не воздашь сполна гостеубийцам
и богохульникам, ломающим святыни,
то, значит, среди людей нет больше благородства!
Стыдясь подобного, ты отнесись с почтеньем
и жалостью ко мне, шагни, как живописец,
назад и рассмотри мазки моих несчастий.
Царица бывшая твоей рабою стала,
мать, гордая детьми – бездетною старухой,
без дома, без друзей, жалчайшая на свете!
Ах, я несчастная! Куда же ты уходишь?
Всё тщетно, видимо! Кругом сплошное горе!
Зачем мы, смертные, так бьёмся, изучая

науки разные, всё знать считая долгом,
а вот риторику, правительницу мира
единовластную, не учим досконально,
платя учителям, чтоб, если будет нужно,
на сторону свою склонить кого желаем!
Как тут надеяться достичь в делах удачи?
Имела я детей, и вот осиротела,
и стала пленницей, в бесчестье уводимой,
и вижу только дым, окутавший мой город.
Притом (скорей всего, намеренье пустое –
Киприду поминать, но пусть уж говорится)
с тобой спит дочь моя, вещательница Феба,
ее Кассандрою фригийцы называют.
Во что ты ценишь, вождь, ее ночные ласки?
Какою платой за нежнейшие объятья
ты дочь и, значит, мать пожаловать захочешь?
Для смертных темнота и наслажденья ночи
вознаграждаются блаженством величайшим.
Послушай же меня. Убитого ты видишь?
Он свойственник тебе, ты ведь своим поможешь!
Ещё лишь об одном сказать мне остаётся.
Ах, если б у меня и руки, и предплечья
заговорили вдруг, и волосы, и ноги
волшебным ремеслом Дедала ли, богов ли,
как начали б они сжимать твои колени,
как с плачем всячески тебя бы умоляли!
О, повелитель мой! О, высший свет Эллады!
Внемли моей мольбе! Да, я стара, ничтожна,
но дай, пожалуйста, отмстить твоей рукою!
Кровь благородная всегда ведь служит правде
и всюду платит злом безжалостным злодеям!

Хор Как странно свой закон вершит необходимость,
соединя жизнь и снова расчлняя:
наигорчайший враг становится нам другом,
благожелатель же – врагом непримиримым!

Аг. Тебя и мальчика жалею я, Гекуба,
руке просительной и горю сострадаю.
Хочу я, чтоб злодей в угоду и богам,
и справедливости наказан был жестоко,
но при условии, что ты своё получишь,
а войско не решит, что для Кассандры я
пытаюсь умертвить правителя фракийцев.
Ведь вот какую я испытываю трудность:
считают воины, что этот муж – им друг,
а мёртвый сын твой – враг, и что бы я ни думал,
мои симпатии они не разделяют.

- Ты взвесь мои слова. Готов я и помочь,
и быстро прибежать, когда нужна защита,
но замедляю шаг под критикой ахейцев.
- Гек. Вот как!
Никто среди людей не может быть свободным.
Тот служит золоту, а этот – раб судьбы,
тому – сограждане, а этому – законы
веление души исполнить не дают.
Но раз боишься ты и черни потекаешь,
от страха я тебя сейчас освобожу.
Будь мне сообщником лишь в знании о каре
убийце этому, но в действии не будь.
А если зашумят и ринутся ахейцы
фракийца от беды заслуженной спасать,
сдержи их как бы сам, совсем не мне в угоду.
Всё прочее – крепись – устрою я одна.
- Аг. Но как? Что сделаешь? Дряхлеющей рукою
поднимешь острый меч и варвара убьёшь?
Подсыплешь яд ему? Помощников отправишь?
Да кто с тобой пойдёт? Где взять тебе друзей?
- Гек. В шатре скрывается толпа моих троянок.
- Аг. Невольниц эллинов? Про этих говоришь?
- Гек. Они помогут мне с убийцей расквитаться.
- Аг. Неужто женщины мужчину победят?
- Гек. Ужасны женщины, сплочённые коварством.
- Аг. Ужасны. Только я не верю в силу их.
- Гек. А что? Не женщины сгубили род Египта
и Лемнос от мужчин очистили ножами?
Мы вот что сделаем. Без дальних рассуждений
вот этой женщине позволь пройти сквозь войско,
а ты отправься в путь и объяви фракийцу:
«Гекуба, бывшая царица Илиона,
тебя зовёт к себе, с твоими сыновьями.
Не меньше вам, чем ей, необходимо это.
Она расскажет, что.» А с телом Поликсены,
убитой ранее, помедли, Агамемнон,
пусть в пламени одном сожгут её и брата,
два горя матери, а там уж похоронят.
- Аг. Добро, пусть будет так. Ещё не может войско
отплыть, а то тебе не смог бы я помочь.
Нам бог пока не шлёт ветров благоприятных
и вынуждены мы погоды смиренно ждать.
Ну что ж, удачи вам! И граждане простые,
и в целом городá желают, чтоб злодей
от зла и пострадал, а честный был счастливым.

Хор А тебе, Илион-отец,
городом несломленным уж не назваться,
туча эллинов над тобой нависает,
копья, ко́пья метая!
Башен венчики срезаны,
весь ты пятнами копоти
вычернен! Стал таким ты жалким!
Не войти мне в тебя, несчастной!

В час полночный погибла я.
После пиршества сладкий сон растекался
по глазам, песни отзвучали, супруг мой,
наплясавшись вокруг жертвы,
в спальне лёг, а копьё своё
он повесил на колышек,
не видя моряков, идущих
толпой на Илион троядский.

Я усмирила локоны,
повязкою их обвязав,
глядя в бездонные лучики золотых зеркал,
и хотела уже упасть на ложе,
как шум по крепости прошёл
и клич над городом троянским взлетел:
«О, сыны элладские, скоро ль домой
вы поплывёте, спалив
акрополь илионский?»

Постель желанную покинув,
нося лишь пеплос, как дорийка,
к священной Артемиде напрасно припала я.
На глазах моих муж лишился жизни,
меня же морем увезли.
Смотря на город с мчащегося домой
быстроногого корабля, уносясь
от илионской земли,
я тяжко зарыдала,

Елену, Диоскуров сестру, с пастухом горы Идейской,
гиблым Парисом, кляня –
меня ведь уничтожил, с отцовской
земли прогнал, оторвал
от дома небрачный их брак,
зловещий демон мести!
Пушкой морской простор не даст вернуться ей,
пусть никогда не увидит дома!

ПОЛИМЕСТОР

Милейший друг, Приам! Любимейшая сердцем
Гекуба! Я в слезах на город твойзираю,
на доченьку твою, убитую недавно!

Вот горе-то!

Ни веры больше нет, ни чести, ни надежды,
что благоденствие не сменится несчастьем!

Да, боги смертными то так, то этак вертят,
запутывая нас, чтоб мы им поклонялись
в своём невежестве! Но стоит ли крушиться,
поправят ли беду все наши причитанья?

Ты ведь винишь меня, что не был я с тобою?
Не надо! Вглубь страны поехал я фракийской,
когда явилась ты. Едва успел вернуться,
как ринулся к тебе, но у дверей столкнулся
с твоей служанкою, про всё мне рассказавшей.
Я выслушал её и прибежал мгновенно!

Гек. Стыжусь тебе в лицо смотреть я, Полиместор,
совсем затянута пучиною несчастий.

В присутствии того, кто видел мой достаток,
мне совестно теперь явиться неимущей
и трудно на тебя взглянуть спокойным взглядом.

Ты только не сочти, что я тебе враждебна.
К тому же не велит обычай, Полиместор,
чтоб женщины мужчин разглядывали явно.

Пол. Неудивительно! Ко мне-то что за дело?
Зачем просила ты, чтоб я из дома вышел?

Гек. Я нечто личное тебе сказать желаю
и сыновьям твоим. Дай слугам приказанье,
чтоб отошли от нас и от шатра подальше.

Пол. Идите! Нам одним стоять тут безопасно.
И мы с тобой друзья, и армия ахейцев
ко мне приятна. Рассказывай, однако:
чем я, удачливый, могу многострадальным
друзьям своим помочь? Я всё готов устроить.

Гек. Скажи о мальчишке сначала, Полидоре,
которого в твой дом мы с мужем посылали,
он жив ли? А потом спрошу я и о прочем.

Пол. Конечно, жив! И в нём осталась ты счастливой.

Гек. Мой друг! Что за слова! И как тебя достойны!

Пол. А что ты от меня ещё узнать хотела?

Гек. Он вспоминает ли о матери родимой?

Пол. Пытался он сюда явиться незаметно.

Гек. А цело ль золото, что он привёз из Трои?

Пол. Всё дома у меня, и в целости хранится.

Гек. Ты береги его, добра друзей не жажди.
Пол. Да что ты, женщина! В своём ищущем я счастья!
Гек. Тебе и сыновьям ты знаешь, что скажу я?
Пол. Не знаю. Ты сама поведаешь об этом.
Гек. Есть, друг возлюбленный моею всей любовью...
Пол. Так что же нам с детьми узнать необходимо?
Гек. ...у Приамидов клад старинный под землёю.
Пол. Ты, значит, вот о чём сказать желаешь сыну?
Гек. Да, с помощью твоей. Ты муж благочестивый.
Пол. А сыновей моих зачем же призывала?
Гек. Пусть лучше знают всё, а вдруг тебя не станет?
Пол. Ты дело говоришь. Конечно, так мудрее.
Гек. Ты помнишь ведь, где храм Афины Илионской?
Пол. Там золото лежит? А чем тайник помечен?
Гек. Утопленным в земле высоким чёрным камнем.
Пол. Ты что-нибудь ещё добавить не желаешь?
Гек. Я деньги вывезла. Хочу, чтоб ты сберёг их.
Пол. А где они? Ты что, под пепелом их прячешь?
Гек. Они в шатре лежат, под грудой добычи.
Пол. Да где ж? Ведь мы стоим в кольце судов ахейских!
Гек. У пленниц есть своё, отдельное жилище.
Пол. Внутри надёжное? Мужчин там не бывает?
Гек. Ахейцев нет внутри. Мы там одни ютимся.
Иди скорей в шатёр! Неймётся аргивянам
расправить паруса и плыть домой из Трои.
Когда всё сделаешь, пойдёшь с детьми твоими
туда, где мальчика ты поселил родного.

Хор Ты не платил ещё, но, может быть, заплатишь.
Твой залило трюм, тебе не спастись,
лишишься ты всех сердечных услад,
утратишь ты жизнь. Где сходит Закон
с желаньем богов за зло покарать,
смертельна там, смертельна скорбь!
Обманчив этот путь, свела тебя надежда
в мертвящий Аид, несчастный старик,
небранной руке ты дух свой отдашь.

Пол. *(изнутри)*

Что ж это! Горе мне! Свет глаз моих погас!

Хор Фракиец закричал. Вы слышите, подруги?

Пол. Боль снова! Сыновья! Как ваша смерть страшна!

Хор Подруги, там, в шатре, опять случились беды!

Пол. Не верьте вы своим стремительным ногам,
шатёр я повалю и раздеру на части!

Вот вам! Вот так разит свинцовая рука!

Хор Давай ворвёмся внутрь! Теперь настало время союзницами стать Гекубе и троянкам!

Гек. Круши всё! Не щади! Выламывай и дверь!
Тебе свои зрачки уж светом не наполнить,
не видеть сыновей! Я их поубивала!

Хор И впрямь фракийца ты низвергла, извела?
Неужто, госпожа, ты правду рассказала?

Гек. Сейчас перед шатром увидишь ты его,
слепца, бредущего ногой слепой, нетвёрдой,
и трупы сыновей. Обоих я убила,
троянок доблестных в помощницы призвав!
Мы разочлись. Гляди! Он из шатра выходит!
Я лучше отойду, чтоб не обжёг меня
неодолимейший, кипящий гнев фракийский.

Пол. Тоска! Где пройти, причалиться, встать?
Я четверолап, как хищник с горы,
иду на руках, иду на ногах!
Туда ли пойти, сюда ль повернуть,
чтоб этих убийц, троянок, схватить,
сгубивших меня?
Преступницы вы, фригийская чернь,
чтоб вы издохли!
Где же скрылись они, где попрятались все?
Ах, зренье моих кровавых очей
исцели, исцели! Верни мне
Гелиос, день мой померкнувший!
А! А!

Тише! Тайные слышу теперь я шаги
этих женщин! Куда же метнуться ногой,
чтоб мяса, костей их наестся,
пир себе устроив, точно дикий зверь,
их всех наказав за этот позор,
за горе моё!

Но куда я несусь, бросив мёртвых детей,
чтоб вакханки аидовы рвали их тут,
кормили бы псов кровавой едой,
жестоко брошенной в горах?
Где встать мне, где сесть, куда мне пойти?
Словно корабль, я свой парус льняной
на канатах морских подверну ли, помчусь
детей охранять в их гибельном сне?

Хор Твои страдания, несчастный, нестерпимы!
Дела позорные караются ужасно.
Тебя какой-то бог тяжёлой ношей давит!

Пол. Фракийцы, ай-ай! Где ко́пья, мечи,

где прыть скакунов, Арéсов народ?
Ахейцы, сюда! Атриды, сюда!
Зову, кричу! Придите сюда,
вас богами я молю!
Да слышит кто-нибудь? Где помощь? Что так долго?
Невольницы, рабыни
калекой сделали меня!
Страшно, страшно я пострадал!
Что за позор такой!
Как мне быть, куда податься?
Улечу я в поднебесье, в бирюзовые покои,
где Сириус, где Орион изливают пыланье лучей
из огненных глаз? Или брошусь в Аид,
сквозь чёрный поток, долой от беды?

Хор Вполне простительно, когда мученья хуже,
чем можно вынести, расстаться с горькой жизнью.

Аг. Пришёл я, слыша крик. Не молчаливо Эхо,
дита скалистых гор, над войском пролетело
дрожашим отзвуком. Когда бы о фригийских
не знали башнях мы, что все они упали
под эллинским копьём, немалый был бы ужас!

Пол. Тебя по голосу, дражайший Агамемнон,
узнал я. Видишь ли, что сделали со мною?

Аг. А!
Кто погубил тебя, несчастный Полиместор?
Кто ослепил тебя, залил глазницы кровью,
убил детей твоих? Да, кто бы это ни был,
к тебе и юношам пылал он гневом страшным!

Пол. Я тут Гекубою и сворой пленных женщин
сражён – и не сражён, а сгублен совершенно!

Аг. О чём ты? Это так? Ты это натворила?
Гекуба, это ты была так дерзновенна?

Пол. Ах, что ты говоришь? Она тут где-то рядом?
Скажи мне, где она, чтоб я схватил руками,
порвал её в куски, залил ей тело кровью!

Аг. Эй, что́ это с тобой? Пол. Молю тебя богами,
позволь мне сжать её неистовой рукою!

Аг. Замашки варваров ты выброси из сердца,
смирись и говори! Обоих вас хочу я
послушать и понять, за что ты настрадался.

Пол. Изволь. Был Приамид, юнейший сын Гекубы.
Он звался Полидор. Его ко мне из Трои
на воспитание прислал отец, Приам,
предвидя взятие троянского оплота.
Я мальчика убил. Но знай, что в этой смерти

была расчётливость и превосходный смысл.
Боялся я, что враг, в тылу твоём оставлен,
троянец соберёт, страну благоустроит,
ахейцы же, узнав, что жив Приамов род,
фригийцев добивать отправятся походом,
а уж потом пожгут фракийские долины
и всё разграбят здесь. Соседям будет зло
троянец. Мы же, вождь, его уже глотнули.
Гекуба вызнала о смертной доле сына
и завлекла меня, пообещав сказать
про приамидов клад, лежащий в Илионе,
ларі с их золотом. Она в шатёр втащила
меня и мальчиков, подальше от ушей.
Присел на ложе я, согнув свои колена,
троянки же ко мне, кто слева, кто отсюда,
подсев по-дружески, вдруг начали хвалить
работу челнока, творенье рук эдонских,
на свет разглядывать вот этот самый пеплос.
Другие, два копья фракийских увидав,
забрали у меня двойное снаряжение.
Кто были матерями, детей моих качали
с восторгом на руках и уносили их
подальше от отца, друг друга подменяя.
И тут – представь себе! – среди приветствий мирных
одни, вдруг выхватив из-под одежд мечи,
вонзают их в детей, другие же хватают,
как злобные враги, мои запястья, ноги!
Хотел я вырваться и мальчикам помочь,
лицо хотел поднять, они же вниз тащили
за волосы меня, хотел руками двинуть,
но, бедный, с женскою не справился толпой!
А под конец они – ах, горе горше горя! –
свершили страшное: схватив свои булавки,
проткнули мне глаза, раскровенив зрачки
многострадальные, а после разбежались
куда-то по шатру. Одним прыжком вскочил я,
как зверь, поднявшийся на кровожадных псиц,
обшарил стены все, как опытный охотник,
стуча, долбя по ним! Вот так я настрадался,
тебе потворствуя, врагов твоих круша!
Но чтобы не вещать пространно, Агамемнон,
всё, что о женщине нам предки говорили,
что сказано теперь, и что произнесут –
всё это обобщу в одной короткой фразе:
подобной твари нет ни на земле, ни в море.
Кто дело с ней имел, слова мои поймёт.

Хор Не надо дерзостей! Ты все свои несчастья
на нас не сваливай, не попрекай всех женщин!
Нас много всяческих: одни достойны злобы,
другие рождены в соседстве негодяев.

Гек. Не стоит допускать, отважный Агамемнон,
чтоб у людей язык главное дел казался.
Прилично поступив, пусть говорят прилично,
а делу мерзкому бездарный и рассказ,
не украшающий нечестье словесами.
Всем этим в тонкостях разумники владеют,
но их разумности надолго не хватает
и жалкой гибели не избежал никто.
Такое для тебя сказала я вступленье,
теперь же обращусь к нему с ответной речью.
Итак, двоякий труд с ахейских плеч снимая,
для Агамемнона ты мальчика убил.
Во-первых, негодяй, возможно ли такое,
чтоб племя варваров и эллины когда-то
друзьями сделались? И что за благодарность
ты рвался получить? Невесту там найти?
Ты родственник им всем? Ты как-то с ними связан?
Плоды земли твоей они хотели срезать,
опять сюда приплыв? Да кто тебе поверит?
Нет, ради золота, ты правду говори,
убил ты мальчика и сам так просчитался.
Ты вот что разъясни: когда блистала Троя,
и сердце города за стенами стучало,
Приам ещё был жив и Гектора копьё
цвело, ты почему к нему не подольстился,
ведь мальчик рядом рос, ты мог его зарезать,
а то и привести живого к аргивьянам?
Но вместо этого, когда наш свет погас
и дым показывал, что город взят врагами,
ты гостя своего у очага прикончил!
К тому же выслушай, как выглядишь ты мерзко.
Зачем ты золото друзьям своим не дал,
ахейцам? Ведь не ты, как сам ты утверждаешь,
владел им, а вот он! Друзья твои годами
вдали от родины лишения терпели,
а ты и в этот час не разожмёшь руки,
но хочешь, чтоб оно в твоём лежало доме!
Вот если б ты свой долг исполнил, и мне сына
взрастил и сохранил, тебе была бы слава.
В тьме бедствий светятся хорошие друзья,
а благоденствию всегда друзей хватает.
Когда б нуждался ты, а сын мой был удачлив,

то стал бы он тебе неистошимым кладом.
А ныне он тебе не может другом быть,
нет пользы в золоте, и сыновья погибли,
и сам ты вот какой. Послушай, Агамемнон:
ему поможешь ты – сам станешь негодяем,
твой гость неправеден и с ближними лукав,
ни благочестья в нём, ни верности не видно.
Мы скажем о тебе: злодей помог злодею.
Но не пристало мне своих господ позорить.

Хор Как смертным всё-таки даёт их правота
все основания для превосходной речи!

Аг. Мне тягостно чужих рассуживать людей,
но делать нечего. И было бы постыдно
заняться чем-нибудь, а после отступить.
Я вот что думаю. Не для меня, конечно,
не для ахейских войск ты гостя погубил,
но чтобы золото в твоём осталось доме.
Теперь, беды хлебнув, себя ты стал белить.
Вам, видно, нипочём гостей сводить со света,
для нас же, эллинов, огромный в том позор.
Как, оправдав тебя, избег бы я упрёков?
Не получилось бы. Поскольку ты дерзнул
недобрый сделать шаг, немилый плод отведай.

Пол. Ужасно! Кажется, рабыней побеждён я
и должен отвечать перед какой-то чернью!

Гек. Не справедливо ли, когда ты зло свершил?

Пол. Ах, как страдаю я, детей и глаз лишённый!

Гек. Страдаешь? Ну и что? А я за сына – нет?

Пол. Глумиться рада ты, коварное отродье!

Гек. А что, не ликовать, смотря на месть мою?

Пол. Ты скоро замолчишь, когда морская влага...

Гек. ...меня на корабле к Элладе принесёт?

Пол. ...сомкнётся над тобой, упавшей с верха мачты!

Гек. Кто вынудит меня оттуда соскочить?

Пол. По воле собственной взберёшься ты на мачту.

Гек. С крылами на спине иль как-нибудь ещё?

Пол. Собакой станешь ты, с багряными глазами!

Гек. Откуда знаешь ты, что я так изменюсь?

Пол. Дионис мне сказал, фракийский прорицатель.

Гек. Но не прорёк тебе о близящемся зле!

Пол. Смолчал. Иначе бы меня не провела ты.

Гек. Должна я умереть иль буду жить рабой?

Пол. Умрёшь. И назовут курган твой злополучный...

Гек. Согласно, скажешь ты, с наружностью моей?

Пол. ...«Собачьей насыпью». Судам он знаком будет.

Гек. Мне это всё равно, ведь я с тобой сочлась.

Пол. Добавлю, что убьёт и дочь твою, Кассандру...
Гек. Плевать мне на тебя! Сам это претерпи!
Пол. ... супружница его, страж дома беспощадный.
Гек. Не смей, безумие, на Тиндариду пасть!
Пол. Убьёт и этого, воздев над ним секиру.
Аг. Ты что, с ума сошёл? Бед новых захотел?
Пол. Рази! Кровавою тебя ждёт Аргос ванной!
Аг. Эй, слуги! Оттащить его отсюда прочь!
Пол. Что, больно слушать-то? Аг. И рот ему зажмите!
Пол. Пусть так! Я всё сказал. Аг. Отправьте поскорей
куда-нибудь его, на остров попустынной,
за то, что дерзостей он тут наговорил.
Гекуба бедная, ступай, своих двух мёртвых
детей похорони. А вы, троянки, марш
в хозяйские шатры. Уже, я вижу, ветер
попутный поднялся, и нам пора домой.
Удачно бы доплыть! В порядке дом увидеть
героям, выжившим среди таких трудов!

Хор Ну, в шатры и на пристань, подруги!
Испытаем обузу неволи,
ведь безжалостна необходимость.

17.04–15.10.2015, Брисбен.